

Е.П. Аквилонov

Христианство и современные события

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Е11

Е11 **Е.П. Аквилонov**
Христианство и современные события / Е.П. Аквилонov – М.: Книга по Требованию, 2021. – 46 с.

ISBN 978-5-458-13667-9

Вся Россия переживает страшное время великих испытаний. На Дальнем Востоке она ведет отчаянную борьбу с коварным и сильным внешним врагом, а внутри раздирается кровавыми смутами и мятежами со стороны своих домашних врагов. Подстрекаемые деятельными агитаторами, тысячи рабочих устраивают поголовные стачки.

ISBN 978-5-458-13667-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ».

Далекій отъ того, чтобы скрывать отъ нихъ неимоверныя трудности, сопряженныя съ выполнѣніемъ святой миссии, Онъ заранѣе предупредилъ ихъ словами: «вотъ, Я посылаю васъ, какъ овецъ посреди волковъ... Вы будете ненавидимы за имя Мое... Грядетъ часъ, въ который всякій, кто только убьетъ васъ, будетъ считать себя чрезъ то приносящимъ службу Богу». Чуждый какихъ либо иллюзій насчетъ подготовки Своихъ учениковъ къ трудному служенію, Онъ часто упрекалъ ихъ въ маловѣрїи и въ недостаткѣ разумѣнія законовъ, лежащихъ въ основѣ Царствїя Божїя.

И Сей Человѣкъ, преданный однимъ изъ апостоловъ, отвергнутый другимъ изъ нихъ и оставленный всѣми въ рѣшительный часъ Своей жизни, окончилъ ее смертью на крестѣ. Тѣмъ не менѣе, до послѣдняго возгласа и вздоха Онъ не обнаружилъ, даже, и тѣни безпокойства насчетъ будущей участи Своего дѣла. Онъ твердо вѣрилъ, вопреки всему, въ несомнѣнный успѣхъ евангельской проповѣди. Не дальше, какъ еще наканунѣ Своихъ страданій, Господь ободрялъ Своихъ учениковъ, съ такой непоколебимостью предвозвѣщая плоды благовѣстія, что, казалось, Онъ уже любовался ихъ благословенною красой.

Что, спрашивается, можно думать о такомъ человѣкѣ? «Мнѣ кажется, если мы поставимъ себя на мѣсто «мудрецовъ» Его времени, напримѣръ, Гамалиїла, то естественнымъ приговоромъ всему проповѣдническому предпрїятію будетъ только одно: или этотъ человѣкъ—безумецъ, и, въ такомъ случаѣ, Его дѣло рухнетъ самымъ плачевнымъ образомъ; или же, если, паче чаянія, оно удастся, то самый успѣхъ послужитъ наилучшимъ доказательствомъ того, что мнимый безумецъ хорошо зналъ, что говорилъ и что дѣлалъ; что Его необычайно поразительныя утвержденія являются сущей правдой, и Самъ Онъ представляетъ Собой то, именно, Лицо, какимъ и выдавалъ Себя, то есть, что Онъ есть, подлинно, Единородный Сынъ Божій, предъ Которымъ должно преклониться «всяко колѣно небесныхъ, и земныхъ, и преисподнихъ». Съ той поры протекло вотъ уже восемнадцать вѣковъ: не пора ли отсюда вывести извѣстное заключеніе?» (*Berthoud, Apologie du christianisme. Laus.—Paris. 1898, p. 628 sqq.*).

Откроемъ евангеліе и посмотримъ, какъ оно выступало на

борьбу съ языческимъ міромъ. Спрашивается, что прежде всего бросается въ глаза на зарѣ христіанства? Всякій внимательный изслѣдователь болѣе всего изумляется той необыкновенной быстротѣ, съ какой христіанство распространилось на Востокъ и оттуда—по всѣмъ провинціямъ Римской имперіи. Довольно значительныя общины вѣрующихъ были основаны въ большинствѣ тогдашнихъ языческихъ центровъ, какъ, на примѣръ, въ Антиохіи и, даже, въ Римѣ, прежде чѣмъ ап. Павелъ пришелъ туда съ своимъ благовѣстіемъ. Отправляя свое посланіе къ Римлянамъ, апостоль порицаетъ неизвинительное невѣріе іудеевъ, ссылаясь на то, что евангельская проповѣдь уже достигла до ихъ слуха. «Спрашиваю,—пишетъ св. апостоль,—развѣ они не слыхали? Напротивъ, по всей землѣ пронесся голосъ ихъ, и до предѣловъ вселенной слова ихъ» (Рим. X, 18).

Такимъ образомъ, спустя четверть вѣка послѣ Христовыхъ страданій, неутомимый благовѣстникъ свидѣтельствуемъ о томъ, что евангеліе распространилось во всѣхъ частяхъ тогда извѣстнаго міра и, въ частности, проникло въ тѣ города, въ которыхъ процвѣтали іудейскія колоніи. Христіане, насколько извѣстно, представляли тамъ собой ничтожное меньшинство, а церкви ихъ находились одна отъ другой въ значительныхъ разстояніяхъ. Однако, съ постепеннымъ развитіемъ своей просвѣтительно-благотворительной дѣятельности, дотолѣ отдаленныя другъ отъ друга, церкви стали образовывать изъ себя все болѣе и болѣе сгущавшуюся сѣть, пока, наконецъ, вся греко-римская имперія не оказалась связанной ея крѣпкими узлами.

Еще не окончился второй вѣкъ, какъ Тертуліанъ въ своемъ «Апологетикѣ» уже обращается ко всѣмъ, власть имущимъ, съ слѣдующими, дышащими непоколебимымъ убѣжденіемъ въ окончательномъ торжествѣ христіанства надъ язычествомъ, словами: «мы—вчерашніе и, однако же, все наполняемъ: ваши города, острова, укрѣпленія, муниципіи, общественныя собранія, самые лагеря, трибы, декуріи, дворъ, сенатъ, форумъ» (с. 37). «Совершенно нѣтъ ни одного народа», нѣсколько ранѣе писалъ св. Іустинъ мученикъ († 163—167),—«варваровъ, или эллиновъ, или какимъ либо другимъ именемъ называемыхъ, кочующихъ, или бездомныхъ, или ведущихъ пастушескій образъ жизни, или живущихъ въ палатахъ, между которыми не приносились бы молитвы и благодаренія Отцу и Творцу всего

именемъ распятаго Иисуса» (Dial. с. Tryph. с. 117, по рус. пер. изд. прот. П. Преображенск. М. 1892, стр. 320).

Въ продолженіе еще нѣкотораго періода времени, а, именно, до воцаренія Константина Великаго, неослабно происходило столь же быстрое распространеніе новой вѣры, вопреки всѣмъ препятствіямъ, пока, наконецъ, этотъ императоръ не объявилъ христіанство государственной религіей. Итакъ, потребовалось только три вѣка для общепризнаннаго торжества евангелія надъ грекоримскимъ язычествомъ. Неудавшаяся реакція со стороны Юліана неопровержимо подтвердила безповоротность указаннаго торжества.

Чѣмъ же и какъ объяснить это необыкновенно быстрое распространеніе христіанства? Нѣкоторые возражаютъ, что «полумѣсяць» въ этомъ отношеніи нисколько не уступаетъ «кресту», и что завоеванія подъ его блѣднымъ свѣтомъ происходили еще скорѣе, по сравненію съ христіанскими. Приведенная ссылка, пожалуй, имѣла бы относительное значеніе въ томъ случаѣ, если бы упомянутыя религіи вышли въ свѣтъ одинаково вооруженными. Но кому неизвѣстно, что исламъ прибѣгалъ не столько къ словесной проповѣди для своего распространенія, сколько къ другимъ, болѣе «дѣйствительнымъ» средствамъ? Съ самаго открытія мусульманской эры, датируемаго 622 годомъ, Мохаммедъ завѣщалъ своимъ сподвижникамъ насильственную пропаганду ислама. «Сражайтесь на пути Божіемъ съ тѣми, которые сражаются съ вами; но не будьте несправедливы, потому-что Богъ не любитъ несправедливыхъ. Убивайте ихъ, гдѣ ни застигнете. Сражайтесь съ ними дотолѣ, пока не будетъ уже вамъ искушенія; и покуда не установится ваше поклоненіе Богу» (Коранъ, въ рус. перев. Г. Саблукова. Казань. 1894. Гл. II, стр. 27—28). Такова заповѣдь Мохаммеда, исполнить которую можно было только посредствомъ огня и меча. Практическія послѣдствія ея обнаружилились уже со второго года «гидржы», послѣ того, какъ одной кровавой битвой обезпечилась побѣда за исламомъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что, съ цѣлью сколько нибудь ослабить боевой пылъ своихъ сподвижниковъ, Мохаммедъ запретилъ имъ войну въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ. Эти «священные мѣсяцы», по справедливому мнѣнію защитниковъ ислама, были хорошимъ средствомъ противъ непрерывныхъ войнъ. Но уже изъ самаго ограниченія послѣднихъ только четырьмя мѣсяцами слѣдуетъ полное разрѣшеніе правовѣрнымъ, безъ всякихъ колебаній,

вести войны въ продолженіе оставшихся восьми мѣсяцевъ въ году. Насколько сумѣли мусульмане использовать такое разрѣшеніе,—это достаточно извѣстно изъ всего историческаго прошлаго ислама, даже, до нашихъ дней. Удивительно ли, что религія, предъявляющая каждому выборъ одного изъ двухъ: или коранъ, или смерть, вскорѣ получила права гражданства въ покоренныхъ ей странахъ?

Напрасно стали бы намъ возражать ссылкой на печальныя факты преслѣдованія сектантовъ и еретиковъ со стороны господствующихъ церквей, свидѣтельствующіе о фанатизмѣ христіанства нисколько не меньшемъ по сравненію съ мусульманскимъ. Не отрицаемъ, что, дѣйствительно, чуть не поголовное истребленіе альбигойцевъ, гугенотовъ, инквизиціонныя костры и пытки, ссылки въ рудники и заточенія, всякія издѣвательства и грубое попраніе свободы совѣсти—являются темнымъ пятномъ въ исторіи христіанской церкви. Но, вотъ, что необходимо имѣть въ виду при изъясненіи взятыхъ фактовъ: они совершились спустя значительное время послѣ появленія въ мірѣ христіанства и, что еще важнѣе, не только не имѣютъ его своей производящей причиной, а, наоборотъ, находятся въ диаметрально противорѣчии съ его коренными основами. Христосъ, какъ извѣстно, повелѣлъ Своему апостолу «вложить мечъ въ ножны» (Мѡ. XXVI, 52),—и Его ли вина, что высокопоставленные представители церкви опять изъяли изъ ноженъ этотъ мечъ и разили имъ своихъ противниковъ «*ad majorem Dei gloriam*»? Мы знаемъ, что сказалъ Господь апостоламъ Іакову и Іоанну, просившимъ у Него позволенія низвести огонь съ неба, чтобы попалить то самарянское селеніе, жители котораго не приняли Его: «не знаете, какого вы духа» (Лк. IX, 55).

Но послѣ того, какъ, въ день пятидесятницы, апостолы «крестились духомъ Святымъ» (Дѣян. I, 5), они поняли слова своего Учителя и вѣрно пошли по стопамъ Его. Въ своихъ посланіяхъ они постоянно увѣщали вѣрующихъ къ «покорности высшимъ властямъ: ибо нѣтъ власти не отъ Бога» (Рим. XIII, 1),—платить подати и подчиняться дѣйствующимъ законамъ, чтобы заградить клеветническія уста противниковъ своимъ безупречнымъ поведеніемъ: «ибо такова Божья воля, чтобы мы, дѣлая добро, заграждали уста невѣжеству безумныхъ людей, какъ свободные, не какъ употребляющіе свободу *для прикрятія зла, но какъ рабы Божіи*» (1 Петр. II, 15—16).

Даже, въ самые черные дни первенствующая церковь не измѣняла этимъ святымъ началамъ. А, между тѣмъ, какъ легко было,—судя по-человѣчески,—и какъ выгодно было ей проповѣдывать угнетеннымъ и гонимымъ христіанамъ самое отчаянное сопротивленіе языческимъ властямъ; какъ своевременнымъ казалось сѣять въ надорванныхъ мученіями душахъ смуту и возбуждать, особенно, чернь къ ниспроверженію существующихъ установленій и порядковъ! Однако, исторія свидѣтельствуєтъ о противномъ: гонимые защищали свои священные права словами убѣжденія и вѣры, многочисленными «аполлогіями» и, что особенно важно, своей кротостью и неистощимымъ терпѣніемъ, даже, во время жесточайшихъ страданій: мученикамъ и въ голову не приходила мысль о репрессаліяхъ!

Свидѣтель кровавыхъ гоненій, Тертуллианъ, пишетъ о томъ, какъ гонимые «молились о преслѣдовавшемъ ихъ императорѣ» и просили для него у Бога «долгой жизни, побѣдоноснаго воинства и мира въ мірѣ». По словамъ одного первокласснаго историка (M. Gaston Boissier: «La fin du paganisme», 2-e édit., tome II, p. 347. Paris, Hachette), «невозможно представить ни одного доказательства въ пользу того, когда бы христіане проявили хоть малѣйшую попытку къ отмѣнѣ тѣхъ учрежденій, отъ которыхъ приходилось имъ такъ много терпѣть... Начиная отъ Нерона и до Константина, многократно происходили политическіе заговоры: и, однако, ни въ одномъ изъ нихъ никогда не участвовали христіане».

Итакъ, съ мірской точки зрѣнія, христіанская религія имѣла всѣ шансы только противъ себя: неумолимую жестокость со стороны языческаго государства, ревнивый консерватизмъ печальниковъ прошлаго, темныя народныя суевѣрія, привиллегіи оффиціального культа, распаленный фанатизмъ съ ненавистью всѣхъ эксплуататоровъ, для которыхъ было выгодно продолженіе всевозможныхъ злоупотребленій, и, въ довершеніе всѣхъ золь, напыщенное презрѣніе со стороны ученыхъ философовъ, всей душой ненавидѣвшихъ новую вѣру, имѣвшую, какъ имъ казалось, іудейское происхожденіе и заповѣдавшую поклоненіе Распятому! Разсматриваемые въ отношеніи земныхъ выгодъ, вѣрующіе, повидимому, должны были все потерять и ничего не получить. Послушаемъ, какъ разсуждаетъ объ этомъ заклятый противникъ христіанства, философъ Цельсъ: «появилось новое поколѣніе людей безъ отечества, безъ древнихъ преданій, сплотившееся противъ всѣхъ гражданскихъ и религіоз-

ныхъ установленій, преслѣдуемое правосудіемъ, опозоренное всеобщимъ безчестьемъ и полагавшее свою славу въ посылаемомъ ему отовсюду проклятіи: таковы христіане!»...

На какую же будущность, на какое къ себѣ отношеніе со стороны свѣта могла рассчитывать религія, о которой, даже, передовые языческіе мыслители говорили такимъ образомъ? Но, кромѣ того, христіанство имѣло еще противъ себя неподобно-высокую чистоту нравственности, требуя отъ своихъ послѣдователей святой жизни и всецѣлой преданности Богу: не то ли особенно антипатично человѣку, какъ рѣшительно порвать всякую связь съ грѣхомъ, отречься отъ своихъ страстей и навѣки похоронить свой эгоизмъ? И, тѣмъ, не менѣе, въ этомъ-то послѣднемъ и состояла намѣченная христіанствомъ цѣль, здѣсь заключалось предъявленное послѣднимъ ко всѣмъ вѣрующимъ условіе полного оздоровленія государства и устроения его на новыхъ, незыблемыхъ основахъ. «Соціальная реформа», о которой такъ много говорятъ, особенно, въ наши дни, осуществить которую стремились столько всевозможныхъ системъ, но, къ своему безчестью, не осуществили,—эту реформу, въ собственномъ смыслѣ реформацію, перерожденіе всего міра, совершило одно христіанство, не стремясь непосредственно къ этой, именно, цѣли. Оно покорило міръ *духовнымъ* оружіемъ. Оно обновило его своимъ благотворнымъ воздѣйствіемъ на человѣческія души. Ему принадлежитъ заслуга—изъ людей всякихъ племенъ и состояній создать славныхъ героевъ духа, соединенныхъ между собой такими крѣпкими узами взаимной любви и братства, что, восхищенные неподобной жизнью членовъ первенствующей церкви, язычники могли только восклицать: «смотрите, какъ они другъ друга любятъ!» «Возлюбленные мои», обращается апостоль къ филиппійцамъ (II, 12—15), «со страхомъ и трепетомъ совершайте свое спасеніе. Все творите безъ ропота и сомнѣнія, чтобы вамъ быть безукоризненными и чистыми, чадами Божіими непорочными среди строптиваго и равращеннаго рода, въ которомъ вы сіяете подобно свѣтиламъ въ мірѣ». На больныя души воздѣйствовало христіанство, обновило человѣческія *сердца*, эти «источники жизни» (Притч. 4, 23),—вотъ въ чемъ разгадка благодатнаго мірообновленія со стороны христіанства, вотъ гдѣ тайна перерожденія людей! И, дѣйствительно, новая вѣра совершенно возродила семейную жизнь, возвысила женщину, порвала оковы рабства, уничтожила гладіаторскія побоища, не говоря ни одного

слова ни объ «эмансипаціи женщинъ», ни объ уничтоженіи рабства, ни объ отмѣнѣ цирковыхъ зрѣлищъ...

Историкъ стоитъ здѣсь лицомъ къ лицу съ безпримѣрнымъ явленіемъ; онъ видитъ предъ собой систему, возстановляющую «droits de l'homme» неуклоннымъ утвержденіемъ правъ Божіихъ, производящую *чисто-моральными* средствами новый порядокъ вещей, гарантирующей каждой личности свободное развитіе ея силъ и способностей и тѣмъ обусловливающей всеобщее благополучіе. Да, здѣсь воочію всѣхъ предстоить религія, вопреки всякихъ преслѣдованій и смертныхъ приговоровъ, торжествующая надъ своими могущественными противниками, «потому что немудрое Божіе мудрѣе чловѣковъ, и немощное Божіе сильнѣе чловѣковъ. Но Богъ избралъ немудрое міра, чтобы посрамить мудрыхъ, и немощное міра избралъ Богъ, чтобы посрамить сильное; и незнатное міра и уничиженное избралъ Богъ, и не сущее, чтобы упразднить сущее, для того, чтобы никакая плоть не хвалилась предъ Богомъ» (1 Кор. I, 25—29). И если уже въ этомъ не видѣть дѣло Божіе, то какое же еще требуется доказательство Творческаго всемогущества? Въ такомъ случаѣ, «если бы кто и изъ мертвыхъ воскресъ, — не повѣрять» (Лук. XVI, 31).

Нашъ вѣкъ въ особенности требуетъ фактовъ и документовъ. Ихъ можно представить, сколько угодно, и мы только затрудняемся обиліемъ матеріаловъ, для которыхъ окажется мало мѣста въ настоящей статьѣ. Наши современники, подчасъ, обращающіе свое завистливое око къ древнеримскому язычеству, едва ли, даже, и подозрѣваютъ все то, чѣмъ мы обязаны христіанству: такъ, къ сожалѣнію, они далеки отъ него и такъ слабо проникнуты его животворными началами. А, между тѣмъ, все доброе въ семейной и въ общественной жизни глубоко коренится въ христіанской вѣрѣ. «Не представляется ли невозможнымъ», спрашиваетъ вышеупомянутый историкъ, «что во времена Цезарей и Антониновъ, въ самомъ расцвѣтѣ гуманности и цивилизаціи, считали совсѣмъ зауряднымъ явленіемъ, что какой либо отецъ полагалъ своего ребенка на порогѣ своего дома и здѣсь оставлялъ его на голодную и холодную смерть, если не хотѣлъ его воспитывать? Такой обычай продолжался до временъ Константина, причемъ ни одинъ честный чловѣкъ не проникался негодованіемъ, и, даже, самъ Сенека, повидимому, не поражался этимъ» (см. вышеуказ. соч. стр. 352 I-го т.).

Какъ же, именно, христіанство относилось къ такого рода общественной несправедливости? Какими средствами удалось ему побороть, на примѣръ, рабство и павперизмъ? По вышесказанному, побѣда христіанства зависѣла отъ того, что оно апеллировало къ человѣческой *совѣсти* и тѣмъ переродило зачерствѣлыя сердца... Въ общемъ все это такъ; но интересно знать и подробнѣе процессъ оздоровленія одряхлѣвшаго міра и примѣненныя къ этому средству. Чтобы правильно оцѣнить значеніе христіанства въ этомъ дѣлѣ, необходимо представить себѣ то: въ какомъ состояніи оно застало древній міръ.

Страшную картину развращенія и постоянно возрастающаго разложенія представляетъ намъ язычество, особенно въ томъ состояніи, до котораго ниспало оно въ періодъ Римской Имперіи. Тогда какъ нѣкоторые мыслители, на примѣръ, Цицеронъ и Сенека, возвышались до понятія Единого Верховнаго Существа,—для простого народа, для общества, Богъ оставался почти неизвѣстенъ, что и было выражено на фронтонѣ одного аѳинскаго храма: «невѣдомому Богу» (Дѣян. XVII, 23). Вездѣ господствовало, повсюду поражало взоры, наполняло воображеніе, составляло постоянную основу жизни отъ колыбели до могилы—идолослуженіе со всѣми своими принадлежностями—съ обожаніемъ страстей и, подчасъ, самыхъ грубыхъ животныхъ инстинктовъ. Языческое богослуженіе по необходимости соотвѣтствовало свойствамъ и характеру самихъ боговъ. Оно состояло въ самыхъ постыдныхъ и гнуснѣйшихъ обрядахъ: любодѣяніе и пьянство были составными частями богослуженія Венерѣ и Бахусу. По словамъ Страбона, Коринѣскій храмъ Венеры отличался неимовѣрнымъ богатствомъ, и при немъ находилось болѣе тысячи лицъ женскаго пола, общественныхъ жриць и рабынь: всѣ онѣ были принесены въ даръ богинѣ почитателями ея обоихъ половъ. «Онѣ-то», пишетъ онъ, «и влекли такъ сильно въ Коринѣ и обогатили его» (см. «Размышленія о божественности христіанской религіи», О. Никола. Перев. съ фр. Тамб. 1866. Т. I, стр. 222). Каждый обращалъ для себя въ божество неудержимое насиліе собственной страсти: *sua cuique deus dira cupido*.

Каковы же должны были образоваться нравы и обычаи подъ вліяніемъ такого богопочитанія и такого богослуженія, которое всецѣло проникало въ жизнь общественную, семейную и личную? Болѣе двухъ третей образованнѣйшихъ странъ земли были проданы въ рабство и употреблялись единственно на то,

чтобы служить чувственности остальной трети. Одно уже это свидетельствует о презрѣннн человѣка человѣкомъ же, о чрезвычайной силѣ эгоизма и разврата, естественно проистекавшихъ изъ религіозной лжи. Господа имѣли неограниченную власть надъ рабами, могли по произволу нещадно бить ихъ и, даже, предавать смертной казни. «Если ты приказываешь поднять на крестъ раба», читаемъ въ сатирѣ Горация (1 Sat. III), «за то, что онъ, подавая блюдо, отвѣдалъ немного соуса, или надрѣзанной рыбы, то не глупѣе ли ты, въ этомъ случаѣ, Лабедона»? Ведій Полліонъ, другъ Августа, содержалъ огромное число муренъ (родъ угрей), для откармливанія которыхъ приказывалъ бросать своихъ рабовъ (Plin. lib. LX, с. XXXIX). Сенаторъ К. Фламиній приказалъ умертвить одного изъ своихъ рабовъ безъ всякой другой причины, кромѣ той, чтобы новизной зрѣлища потѣшить одного изъ своихъ угодниковъ, невидавшаго, какъ убиваютъ человѣка (Plut. Vita Q. Flamin.). Если глава семейства былъ убитъ въ своемъ домѣ, и не удалось открыть убійцу, то всѣ его рабы подлежали смертной казни. И, въ особенности, слѣдуетъ замѣтить, что всѣ эти возмутительныя насилія, которымъ съ трудомъ вѣрится, въ то время считались прямымъ выраженіемъ естественнаго права. Законодательство первое произнесло противъ рабовъ жестокій приговоръ: *non tam viles, quam nulli sunt*.

Обратимъ еще вниманіе на этотъ языческій міръ и не погнушаемся проникнуть въ глубину той его раны, которую представляютъ собой гладіаторскіе бои. Къ разряду гладіаторовъ причислялись плѣнники, рабы, преступники, осужденные на смертную казнь. Ихъ особымъ образомъ воспитывали и приготавливали къ предстоящей имъ ужасной участи и потомъ цѣлыми тысячами загоняли, какъ на бойню, въ огромный амфитеатръ, гдѣ они принуждены были сражаться одни съ другими и убивать другъ друга для потѣхи гражданъ всякаго званія, состоянія и пола. Эти кровавыя зрѣлища, по исчисленію Липсіа, поглощали иногда двадцать и тридцать тысячъ несчастныхъ въ продолженіе одного мѣсяца. Весь Римъ стремился къ этимъ бойнямъ, находя въ нихъ величайшее удовольствіе. Тутъ не было мѣста никакому состраданію. Раскаленнымъ желѣзомъ и ударами бичей принуждали сражаться до смерти тѣхъ гладіаторовъ, которые умѣли защищаться отъ меча. Когда же истекающій кровью гладіаторъ, въ безсиліи, падалъ на землю, отказываясь продолжать борьбу, — тысячи

рукъ протягивались съ указаніемъ добить его, и если онъ просилъ пощады, то самымъ младшимъ изъ римскихъ женщинъ предоставлялось удовольствіе отказать несчастному въ его просьбѣ, и они жестаи подавали знакъ умертвить его. По рассказамъ Сенеки, римскій народъ былъ до того ненасытенъ въ отношеніи этой страшной смертельной рѣзни, что гладиаторы, утромъ уцѣлѣвшіе отъ пасти и когтей дикихъ звѣрей, должны были по-полудни снова выходить на бой, но уже безъ всякаго оружія для своей защиты, чтобы доставить безчеловѣчное удовольствіе зрителямъ большимъ количествомъ смертельныхъ ранъ и множествомъ умирающихъ. И всѣ эти отвратительнѣйшія мерзости смертоубійства соединялись съ утонченною разборчивостью, съ крайнимъ великолѣпіемъ и наслажденіемъ, достойнымъ всякаго презрѣнія. Звуки великолѣпнаго оркестра изъ тысячи музыкальныхъ инструментовъ смѣшивались съ воплями и стономъ амфитеатра. Пурпуровые, шитые золотомъ, покровы были растянуты надъ головами зрителей для защиты ихъ отъ палящихъ солнечныхъ лучей. Молодые, красивые рабы подходили къ каждому изъ убитыхъ гладиаторовъ и граблями расчищали окровавленный песокъ. Посредствомъ искусно проведенныхъ трубъ воздухъ насыщался всякими благовоніями и смягчалъ острый запахъ крови. Мозаическія картины, статуи, барельефы и набожныя издѣлія изъ драгоценныхъ мраморовъ изяществомъ и разнообразіемъ очаровывали взоръ публики, а подъ сводами амфитеатра, подъ вывѣскою, изображавшею безстыдную эмблему, находился будуаръ развратныхъ женщинъ, со стороны окровавленной арены и наваленныхъ труповъ.

И, что замѣчательно, такія безчеловѣчныя удовольствія были свойственны не какимъ либо двумъ-тремъ чудовищамъ вродѣ Нерона или Калигулы; нѣтъ, имъ съ одинаковымъ неистовствомъ предавались и самые кроткіе государи, даже такіе, которые заслужили себѣ названіе «утѣшенія рода человѣческаго». Цѣлое общество требовало, чтобы ему открывали эти боины, съ такой же алчностью, съ какой оно старалось ежедневно добывать себѣ насущный хлѣбъ. *Panem et circenses!* — вотъ обыкновенный ревъ кровожадной толпы (Juven. Sat. X). Роскошно празднующая одержанныя надъ Дакійцами побѣды, Траянъ устроилъ гладиаторскія зрѣлища, непрерывно продолжавшіяся сто шестьдесятъ дней, причемъ было растерзано и убито десять тысячъ гладиаторовъ и одиннадцать тысячъ дикихъ звѣрей. Зна-